

— Мне нужно догнать эту троицу. Отпускать их одних как-то беспокойно, — обратился Сунцзин к Цзинь Линсяню. — Ваше Высочество, возвращайтесь-ка лучше на постоянный двор. Если к утру от нас не будет вестей, на рассвете дадите знать ордену.

Цзинь Линсянь едва заметно кивнул, выражая согласие, и перевёл холодный взгляд на притихшего Цзянь Минну:

— И его с собой потащишь?

— От него вреда не будет, — отозвался Сунцзин. — Глядишь, с ним поиски даже быстрее пойдут. Если что-то случится, Ваше Высочество, сразу связывайтесь со мной.

За его спиной с тихим звоном взмыл клинок и замер в воздухе, мерцая сталью. Сунцзин собирался лететь на мече.

— Старший брат Сунцзин, — робко подал голос Минну. — Но ведь в пределах Девяти провинций летать на мече строго запрещено.

— И то правда, — с самым серьёзным видом заговорщически подмигнул Сунцзин. — Но раз уж ты меня поймал за руку, придётся тебе хранить этот секрет пуще глаза.

Минну лишь безмолвно захлопал ресницами. Старший брат тем временем уже легко вскочил на парящее лезвие и протянул ему ладонь. Юноша замялся лишь на мгновение: оставаться наедине с высокомерным Третьим принцем хотелось ещё меньше.

Едва Минну ступил на узкую сталь, как его качнуло, и сердце испуганно ёкнуло. Сунцзин крепко перехватил его за запястье, удерживая на месте.

— Держись крепче и не вздумай смотреть вниз. Придётся поторопиться, иначе мы рискуем найти от них одни холодные трупы.

Стоило Минну ухватиться за край его широкого рукава, как в лицо ударил ледяной шквал. Воздух со свистом заложил уши, очертания мира мгновенно смазались, и к горлу подкатил липкий ком тошноты. Не удержавшись, он всё же скосил глаза вниз — и тут же пожалел об этом. Под ними на сотни футов раскинулась бездонная, тонущая в сумерках пропасть, усеянная крошечными, точно игрушечными крышами раскидавшихся в долине поселений.

От ужаса Минну мёртвой хваткой вцепился в своего спутника. Он-то наивно полагал, что старший брат управляет мечом степенно и осторожно, но тот то и дело закладывал крутые виражи, взмывая ввысь и резко проваливаясь в воздушные ямы. Минну побледнел как полотно и уже не разжимал пальцев, боясь сорваться.

— Минну, куда они направились? — выкрикнул Сунцзин сквозь вой ветра.

Впрочем, не дожидаясь ответа, он на ходу развернул карту, где мерцали метки ученических жетонов. Быстро сориентировавшись, Сунцзин спрятал свиток в рукав и направил меч напрямик к возвышающейся вдали Барабанной башне.

Весь этот недолгий путь, занявший около четверти часа, Минну судорожно сжимал чужие одежды. Сунцзин же, казалось, ничуть не беспокоился, позволяя испуганному юноше жаться к своей спине. Сорвись Минну сейчас — от него бы и костей не собрали.

Меч плавно опустился у подножия Барабанной башни. Округу заволакивал густой, вязкий туман. После недавних дождей обступивший поляну лес казался глухой, непроницаемой стеной. На фоне этой черноты высился мрачный багровый силуэт ярусной пагоды, из глубин которой доносился глухой, потусторонний гул — то медленно вращались огромные каменные барабаны.

— Вы ведь уже бывали здесь недавно? — спросил Сунцзин.

Минну кивнул. Его всё ещё била мелкая дрожь, а сердце колотилось где-то у самого горла.

— Мы прятались тут от ливня, когда только спустились с горы, — тихо ответил он, сясь унять дрожь в голосе. — Тогда нас утащила местная нечисть. В настенных росписях этой башни скрыт целый призрачный мир.

— Цзянь Сюэхэ рассказывал мне об этом, — отозвался Сунцзин, переступая порог башни. — По его словам, за всей этой чертовщиной стоит оживший труп невесты в алом подвенечном платье. Скорее всего, одна из замученных девушек, только вот имя её пока неизвестно.

Минну поплёлся следом за ним в сырую полутьму. Сунцзин высек искру. Минну хорошо помнил, где висели факелы, которые в прошлый раз зажигал Цзянь Сюэхэ. Стоило огню разгореться, как из темноты выплыл жутковатый, покрытый трещинами лик Змеиной Матери, глядящий со стены.

Древняя фреска поросла плесенью и осыпалась. Сунцзин прижал ладонь к холодному каменному полотну. Спустя мгновение его пальцы окутало мягкое белое свечение, и очертания залы поплыли, плавясь и перетекая в иные формы.

Сунцзин увлёк его за собой прямо внутрь картины.

Они очутились в иллюзорном мире фрески. Зловещий подвенечный лес, увешанный трупами в алых одеждах, остался прежним. Вокруг стлалась удушливая чёрная падь.

Ступая след в след за старшим братом, Минну тихо проговорил:

— В прошлый раз нас с братом Хэ зажало именно здесь. Но та призрачная фигура в алом

почему-то не стала нас убивать — просто подвесила к ветвям.

— Выходит, она проявила к вам милость, — хмыкнул Сунцзин.

В прошлый визит они не осмелились углубляться в чащу. Теперь же, шагая за спутником, Минну поразилась тому, насколько огромным и дремучим был этот призрачный лес. Из крошечной тьмы то и дело доносился едва различимый шёпот: то приглушённые смешки, то протяжный надрывный плач. Стенания неупокоенных душ сливались в единый усыпляющий гул, который подтачивал волю, навевая беспричинную тоску и морок.

Сунцзин коротко взмахнул рукой, и ослепительная вспышка меча разметала голоса призраков, вернув лесу мёртвую тишину.

— Ближе всех к нам Мэй Ханьцзюэ, — сверившись с картой, произнёс он. Судя по сигналу жетона, молодой заклинатель находился у самой границы призрачной пуши.

Исполинские корявые софоры подпирали беззвёздное небо. Неподдалёку от корней одной из них чернел зев заброшенного колодца. Минну нерешительно потоптался у края, всматриваясь в темноту.

— Старший брат, а вдруг молодой господин Мэй там, внутри? — озвучил он догадку, вспоминая, как их самих вздёружили на деревьях.

Сунцзин скользнул взглядом по каменной кладке и без лишних слов направил свой клинок «Холодная весна» вниз. Из глубины донёсся резкий металлический звон, а следом из устья показался взъерошенный Мэй Ханьцзюэ.

Выглядел наследник клана Мэй, мягко говоря, неважно: в растрёпанных волосах запуталась прелая листва, а на запястьях багровели отчётливые следы пут.

— Старший брат Сунцзин! — отплевываясь от пыли, прохрипел он. — Я изорвал все связки, крича вам снизу! Неужели вы меня совсем не слышали?

— Ни звука, — отрезал Сунцзин. — Скажи спасибо Минну, это он заметил колодец, вот я и отправил меч проверить. Огребёте вы у меня по возвращении в орден, помяни моё слово. Что вы тут устроили? Где Цзянь Сюэхэ и Ли Сяохо?

Мэй Ханьцзюэ брезгливо отряхнул одежды от лесного сора.

— Мы преследовали тварь до самых границ картины, но стоило нам войти в лес, как ветви ожили и утащили меня на дно. Я потерял их из виду. Однако нам удалось выяснить, кто наводит здесь шороху. Местная нечисть — та самая сила, что свила верёвки из молодого господина Чжэна. Похоже, это дух одной из его покойных жён.

Он выудил из широкого рукава клочок алого шёлка. Это был обрывок праздничного подвенечного халата. На обратной стороне, где по обычаю вышивали имена новобрачных, красовался изящный иероглиф «Чжэн».

— Кажется, я знаю, какая именно это жена, — тихо произнёс Минну. В его памяти всплыла та безумная ночь, когда они с Ли Сяохо пробирались в Поместье Чжэн и наткнулись на призрачную свадебную процессию.

— Если верить словам Фули, речь идёт о третьей супруге. Я видел эту призрачную фигуру дважды: первый раз — у Барабанной башни, а второй — у самых ворот Поместья Чжэн. Она единственная, чья жизнь оборвалась прямо в пути. В ту ночь у поместья мы словно заново прожили события прошлого... Несчастливая погибла, так и не переступив порог дома. А те возницы, что сопровождали паланкин, были мертвецами. Это была свадьба с покойником — обряд призрачного брака.

Сунцзин на мгновение нахмурился, обдумывая услышанное.

— Теперь у нас есть зацепка, распутать этот клубок будет проще. Минну, оставайся здесь вместе с Ханьцзюэ. Я разыщу остальных.

— Старший брат, я с тобой, — рванулся было Мэй Ханьцзюэ.

— Нет, твой долг — беречь младшего брата, — непреклонно отрезал Сунцзин. — Не дай бог с его головы хоть волос упадёт — шкуру с тебя спущу. Головой за него отвечаешь.

Бросив последнее предупреждение, Сунцзин растаял в воздухе, словно его и не было.

Тишина сомкнулась над оставшимися двоими. Минну внутренне сжался, уверенный, что избалованный наследник Мэй едва ли горит желанием возиться с ним. Он украдкой глянул на спутника, но тот лишь сосредоточенно изучал корявые деревья.

— Минну, — внезапно повернулся к нему Мэй Ханьцзюэ, и в его глазах блеснул лукавый огонёк. — Как насчёт того, чтобы тоже отправиться на поиски твоего брата Хэ?

В голове Минну вихрем пронеслись слова Третьего принца: у Мэй Ханьцзюэ и Цзянь Сюэхэ была тайная цель — отыскать холодную яшмовую траву. Немного поколебавшись, он ответил:

— Но старший брат Сунцзин велел нам ждать его здесь. К тому же ты только что едва вырвался из ловушки. Стоит ли искушать судьбу?

— То было досадное недоразумение, — отмахнулся Ханьцзюэ. — Неужели тебе совсем не тревожно за Сюэхэ? Пойдём, одним глазком глянем. Обещаю, я не дам тебя в обиду.

Минну колебался ровно мгновение, прежде чем задвинуть наказ старшего брата в самый дальний угол сознания.

В самых мрачных глубинах призрачного леса высилось колоссальное изваяние Черночешуйчатой Змеиной Матери. Божество представало в пугающем обличе: девять женских тел, плавно переходящих в исполинский змеиный хвост, кольцами укладывающийся у подножия. Её лик дышал кротостью и милосердием, однако клубящаяся вокруг чёрная дымка превращала святыню в оплот первородного зла.

С высоты, точно паутина, тянулись тончайшие шёлковые нити. На каждой из них, раскачиваясь, висели иссохшие тела невест в подвенечных уборах и алых покрывалах. Прямо под этим жутким пологом Цзянь Сюэхэ кончиком своего Снежного меча приподнял крышку одного из стоявших на земле гробов. Внутри покоилось тело с до боли знакомым лицом — это был молодой господин Чжэн.

Цзянь Сюэхэ замер. В полумраке, у самого подножия изваяния Змеиной Матери, соткался багровый силуэт. Призрачная фигура в алом стояла по правую руку от божества, точно безмолвная вестница с настенной росписи. Ветер шевельнул край её покрывала, приоткрывая лицо.

Левая половина лика была чудовищно изуродована — гниющая плоть отливала синевой, а вытекший зрачок закатился к надбровной дуге, являя миру оскал свирепого демона. Но правая половина уцелела, сохранив прижизненную прелесть: тонкий разлёт бровей, кроткий разрез глаз и едва заметная, ласковая полуулыбка, застывшая на нежных губах.

В голове Цзянь Сюэхэ мгновенно сложился пазл, но было слишком поздно. Где-то в тени корявой софоры мелькнула фигура Ли Сяохо, и в тот же миг у подножия змеиного хвоста вспыхнули руны древнего проклятия.

— Минну, побудь здесь. На, держи, — Мэй Ханьцзюэ сделал плавный пасс рукой, сотворив прямо из воздуха упитанного, белоснежного голубя. — С этой пичугой нечисть к тебе и на шаг не подойдёт. Сиди смирно внутри моего защитного круга и никуда не уходи.

Он засыпал Минну ворохом предостережений и добавил:

— Я мигом: только проверю, как там Цзянь Сюэхэ, и назад.

Минну крепко прижал к себе тёплую птицу и кивнул:

— Если почувешь неладное — сразу отступай.

— Обижаешь, я у себя один, — ухмыльнулся Ханьцзюэ. — Будь умницей.

С этими словами его силуэт растворился в клубах тумана.

Стоило Мэй Ханьцзюэ материализоваться подле Цзянь Сюэхэ, как древние печати Змеиной Матери пришли в движение. Цзянь Сюэхэ успел лишь вскрикнуть:

— Назад! Беги...

Слепящий белый саван накрыл поляну. В эту короткую вспышку Цзянь Сюэхэ окончательно понял, каким образом покойный господин Чжэн ухитрился разгуливать при свете дня как ни в чём не бывало.

Древние манускрипты упоминали о запретном проклятии прислужников Змеиной Матери. Оно позволяло совершить обмен: поменять местами души живого и мёртвого. Плоть покойника при этом обретала ложную жизнь, сохраняя первозданный вид, в то время как живое сознание оказывалось замурованным в разлагающемся трупе.

— Здесь опасно, — попытался предостеречь Цзянь Сюэхэ, но вместо собственного чистого голоса услышал хриплые, ломающиеся подростковые нотки. Звук собственного голоса показался ему до странности знакомым.

Опустив взгляд, он обомлел. Красный воротник, глухие чёрные одежды, а на поясе — рукоять Клинка Вышитой Весны.

Цзянь Сюэхэ коснулся лица и наткнулся пальцами на холодную костяную поверхность маски младенца-призрака.

Они с Ли Сяохо поменялись телами.

Мэй Ханьцзюэ осознал масштаб катастрофы слишком поздно. Мир перед его глазами поплыл, подёрнувшись мутной пеленой. Когда зрение вернулось, перед ним замелькали алые подвенечные покрывала.

Попытавшись пошевелиться, он обнаружил, что висит высоко над землёй, привязанный к ветви софоры. Новое тело слушалось из рук вон плохо, онемевшие члены едва подчинялись воле. Ему стоило колоссальных усилий сделать хотя бы слабое движение.

— Цзянь... — попытался позвать он.

Его барахтанье отозвалось дрожью по всему призрачному лесу. Натянутые нити застонали под тяжестью мертвецов, раздался сухой треск лопнувшего шёлка, и Мэй Ханьцзюэ мешком рухнул

в прелую траву.

Оказавшись в шкуре мертвеца, он не почувствовал боли от падения, но до его слуха донёлся зловещий хруст собственных ломающихся костей.

Цзянь Сюэхэ мгновенно завертел головой в поисках своего собственного обличья, но его белых одежд нигде не было видно. Зато его внимание привлекла рухнувшая с ветвей фигура. Оставалось лишь гадать, куда унесло Ли Сяохо в его собственном теле.

Он поспешил к лежащему на земле другу и прижал пальцы к его шее. Пульса не было — тело Мэй Ханьцзюэ превратилось в остывающий труп. Приподняв подол его халата, Цзянь Сюэхэ обнаружил на голени ту самую жуткую, сморщенную отметину в виде человеческого лица.

В чаще то и дело с глухим стуком падали другие высохшие оболочки. Цзянь Сюэхэ попытался сорвать с лица маску младенца-призрака, мешавшую обзору, но стоило его пальцам коснуться краев, как барабанные перепонки разорвал истошный, леденящий душу детский плач. Поняв, что маска намертво срослась с плотью Ли Сяохо и служит залогом его жизни, он медленно опустил руки.

Подойдя к рухнувшей рядом иссохшей мумии, Цзянь Сюэхэ приподнял алый шёлк покрывала. На него уставились тусклые глаза — лицо покойника в точности повторяло рисунок на ноге Мэй Ханьцзюэ.

Их взгляды встретились. Заточённый в чужую плоть Мэй Ханьцзюэ мгновенно понял, что друг узнал его. Он попытался что-то сказать, но из его горла вырвался лишь хриплый, свистящий звук, будто кто-то водил ржавым гвоздём по дырявому барабану.

— Сюэ...

Цзянь Сюэхэ молча разглядывал несчастного друга, лихорадочно соображая, как быть дальше. Мэй Ханьцзюэ теперь был заперт в теле иссохшей мумии.

Недолго думая, Цзянь Сюэхэ опустил красную ткань обратно на искажённое лицо приятеля, рывком взвалил мертвеца на спину и зашагал прочь.

— Ли Сяохо, скорее всего, бросился в погоню за тварью, — медленно, тщательно выговаривая слова, произнёс Цзянь Сюэхэ. Ему всё ещё было непривычно говорить чужим хриплым голосом. — Это проклятие напрямую связано с холодной яшмовой травой.

— Мо... моё... те... ло... — на пределе сил выдавил из себя Мэй Ханьцзюэ.

Цзянь Сюэхэ бросил быстрый взгляд на безжизненную плоть товарища.

— Твоя прежняя оболочка сейчас ничем не отличается от трупа. Как только мы прикончим тварь, чары рассеются сами собой.

Мэй Ханьцзюэ оставалось лишь безмолвно смириться со своей участью.

Ослепительная вспышка на мгновение озарила весь призрачный лес. Минну, сидевший на прежнем месте с белым голубем в руках, испуганно вздрогнул. Он никак не мог решить, стоит ли ему нарушить приказ и пойти на выручку, как вдруг из тумана выплыл силуэт в маске младенца-призрака.

Это был «Ли Сяохо». На спине он тащил какой-то громоздкий, безжизненный узел.

Когда путник подошёл ближе, Минну похолодел от ужаса: ноша оказалась иссохшим мертвецом в свадебном наряде.

"Ли Сяохо вечно вытворяет какую-то дичь."

Заметив Минну, «Ли Сяохо» на секунду замедлил шаг.

— Ли Сяохо, ты не видел брата Хэ и господина Мэя? — бросился к нему Минну, даже не подозревая, что прямо перед ним стоит сам Цзянь Сюэхэ, а на его спине безвольно болтается Мэй Ханьцзюэ.

Тот подошёл вплотную, мазнув бесстрастным взглядом маски младенца-призрака по пухлому голубю в его руках и защитным рунам на земле.

— Нет, — коротко отрезал мнимый Ли Сяохо.

— И старший брат Сунцзин куда-то запропастился, — встревоженно пробормотал Минну. — А с нечистью ты не сталкивался? И вообще... зачем тебе этот труп?

«Ли Сяохо» даже не вздрогнул.

— Нужно, — обронил он сухим, бесцветным тоном.

Получив столь лаконичный ответ, Минну не стал допытываться.

— Ты собираешься искать старшего брата Сунцзина? А я пойду искать брата Хэ.

Ему не хотелось подвергать Ли Сяохо опасности. Цзянь Сюэхэ наверняка угодил в беду — возможно, именно здесь он и получит то самое тяжёлое ранение, о котором говорилось в

слухах. Да и холодная яшмовая трава... Если Минну повезёт прибрать её к рукам, он сможет раз и навсегда изменить свою слабую конституцию.

— И зачем он тебе сдался? — как бы между прочим поинтересовался «Ли Сяохо». Маска младенца-призрака скрывала его лицо, но Минну показалось, что голос собеседника прозвучал необычайно холодно, растеряв всю привычную ребячливость.

Спешно выдумав первое попавшееся оправдание, Минну пролепетал:

— Я... я просто боюсь, что с братом Хэ случится беда.

<http://bllate.org/book/20439/2177979>